

Артемий Петрович Волынский

Автор: И. В. Курукин

Курукин Игорь Владимирович - доктор исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

Утром 27 июня 1740 г., в день годовщины Полтавской победы, участник ее - Артемий Петрович Волынский, бывший обер-егермейстер двора и кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны, стоял с вырезанным языком на эшафоте Сытного рынка - месте "торговых казней" в Петербурге.

Секретарь Тайной канцелярии огласил приговор. Главная вина преступника звучала неопределенно, но страшно: его планы клонились "до явного нарушения и укоризны издревле от предков наших блаженные памяти великих государей... установленных государственных законов и порядков к явному вреду государства нашего и отягощению подданных и с явным при том оскорблением дарованного нам от всемогущего Бога высочайшего самодержавия и славы и чести нашей империи".

Императрица облегчила преступнику казнь - вместо посажения живьем на кол бывшему министру отрубили правую руку и сразу после этого голову. После экзекуции его тело отвезли на Выборгскую сторону и похоронили при церкви Сампсона Странноприимца. Кладбища уже нет, сохранилась только могила Волынского и его друзей, с водруженным над ней в 1885 г. памятником. Надпись на нем гласит: "Здесь погребены 27 июня 1740 г. кабинет-министр, генерал-аншеф и обер-егермейстер Артемий Петрович Волынский, советник Андрей Федорович Хрущов и архитектор Петр Михайлович Еропкин, гоф-интендант. Сооружен в 1885 г. по почину редакции журнала "Русская старина" многими почитателями памяти этих исторических русских людей".

Так закончил свою жизнь и одновременно вошел в историю один из ярких людей XVIII столетия, "младший современник и птенец Петра Великого", как назвал его выдающийся русский историк В. О. Ключевский.

Волынский всегда помнил о своем славном происхождении. На следствии он даже заявил, что "когда фамилия ее императорского величества пресечетца, то могут дети или внуки или правнучата ево [Волынского] российского престола продолжателями быть". Основатель рода, князь Дмитрий Боброк Волынский прибыл в Москву между 1366 и 1368 гг., но вопрос, чьим

стр. 53

потомком он был и к какой династии - русской или литовской - принадлежал, остается спорным. Он стал видным воеводой и одним из организаторов победы на Куликовом поле; великий князь Дмитрий Донской отдал за него свою дочь Анну.

Однако ни заслуги Дмитрия Михайловича, ни его родство с великим князем не упрочили положения его наследников - они не удержались в числе бояр, утратили княжеский титул и оказались на службе удельных князей Московского дома. Новое восхождение было долгим и трудным. В XVI в. Волынские усмиряли восставших казанских татар, сражались с поляками и

шведами в Ливонии, служили воеводами на южной границе, осваивали далекую Сибирь; одни из них стали опричниками Ивана Грозного; другие - жертвами опричных казней. В годы Смуты оказались в разных лагерях - служили и Василию Шуйскому и Лжедмитрию II.

Прадед Артемия Петровича Степан Иванович летом 1615 г. отстоял город Волхов от набега польского полковника Александра Лисовского - хотя соседи-воеводы бежали, оставив врагу крепости¹. В 1617 г. он отправился с посольской миссией в Лондон - в поисках союзников против Польши и с просьбой о займе². Его единственный сын Артемий прослужил с 1627 г. почти полвека, но так и остался стольником и скончался в 1684 году. Но его двоюродные братья Михаил и Яков Семеновичи стали окольными, а Василий Семенович - "ближним боярином" Алексея Михайловича. В 1680 г. он на короткое время стал во главе Посольского приказа - то есть занял пост второго лица в государстве после монарха.

На них оборвалось возвышение фамилии при дворе первых Романовых. Отец будущего министра, стольник Петр Артемьевич, ездил "за государем", бывал в походах, подал роспись рода Волынских в Палату родословных дел, являлся дворянином состоятельным (в 1707 г. имел в разных уездах 397 крестьянских дворов³), но ничем не прославился и умер в 1713 г., оставив сына с мачехой.

Артемий Петрович родился около 1689 г. (люди той эпохи не всегда могли точно назвать свой возраст и день рождения) то ли в Москве, то ли в одной из отцовских деревень⁴. Его поколение входило в жизнь под гром пушек Северной войны и в неразберихе первых реформ Петра I, когда вернувшийся из Европы молодой царь брил и переодевал дворян и внедрял в русскую жизнь технические новшества вместе с заморским образом жизни. Но одно оставалось для них неизменным - тяжелая и обязательная служба.

Биографические справки указывают, что он начал службу в 1704 г. рядовым в каком-то драгунском полку⁵. Однако, это не так. Ведомость 2-й роты гвардейского Преображенского полка 1716 г. о военнослужащих, "которые написаны из недорослей в салдаты в 704 году, также и после 704 году в других годах", свидетельствует, что в 1704 г. Волынский стал рядовым этой роты; однако через 12 лет числился уже среди "отпущенных в другие полки": "Артемей Волынской, в подполковниках"⁶.

Когда и куда он был "отпущен", документ не говорит, но кампании Северной войны стали его "университетом". Артемий участвовал "на баталиях и акциях" - в 1708 г. в сражении при Лесно; в 1709 г. - под Старыми Сенжарами, Красным Кутом; под Полтавой Волынский захватил в плен шведского солдата, который крестился в православие, женился на крепостной девушке и навсегда остался служить в его доме.

Через несколько лет мы встречаем Волынского уже в офицерском чине в рядах "генерального шквадрона" А. Д. Меншикова, который в 1709 г. участвовал в Полтавской битве и сопровождал государя в поездках⁷. В качестве курьера он оказался рядом с Петром в Прутском походе 1711 г. и стал учас-

договора; вместе с ним ехал немец-переводчик Андрей Остерман - едва ли тем июльским вечером оба они предполагали, что через двадцать пять лет станут могущественными кабинет-министрами и соперниками.

Волынский доставил Шафирову деньги для раздачи визирю и его людям. "Известную посылку" в размере 250 тыс. руб., занявшую целый обоз в "пяти ящиках, в семи фурманах, в шести палубех" при 50 лошадях, и еще 11 сороков соболей на 5050 руб. ротмистр повез в турецкий лагерь - вице-канцлер сам просил Петра отправить к нему Волынского, как "нарочитого молодца"⁸. Но турки брать русское серебро стеснялись: "От русских денег всяк бежит, и не смеют их принять, и так оные дешевы, что ходит левок их наших денег по 40 алтын. По се число еще никто оных не берет, опасаятца, чтоб кто не признал", - писали 28 июля 1711 г. Шафиров и второй посол М. Б. Шереметев. Неудобные деньги дипломаты привезли с собой в Стамбул, но и визирь побоялся их принять.

Волынский же в это время мчался с донесениями послов в Карлсбад, где царь после пережитых потрясений пил целебные воды. Оттуда - в стоявшую в Польше армию фельдмаршала Б. П. Шереметева. Затем - на Украину, а из Киева - в Стамбул, где в то время находились Шафиров и Шереметев; вице-канцлер особо просил царя за Волынского - "переменить чином и наградить жалованьем, потому что изрядной человек и терпит одинакой с нами страх"⁹.

Султан Ахмед III еще раз объявил России войну, и в 1712 г. весь персонал русского посольства (205 человек) бросили в подвалы Семибашенного замка. Но мир удалось сохранить: 16 июня 1713 г. Волынский отписал кабинет-секретарю Петра А. В. Макарову, что он и его товарищи освободились из "бедственного заключения"; во время пятимесячного сидения узники уже "оставили всю надежду о животе и в такой десперации были, что каждой ожидал смерти"¹⁰. Через несколько дней бывший пленник уже скакал в Петербург с новым мирным трактатом¹¹. Скуповатый на подарки за счет казны, Петр оставил без внимания просьбу о пожаловании за службы в Турции деревень и вместо того произвел удачливого курьера в подполковники.

Летом 1715 г. молодой офицер в качестве полномочного "резидующего посланника" возглавил дипломатическую миссию в Иран. С грузом ценных подарков (ловчими птицами, соболями, "мамонтовой костью" и зеленым чаем) посольство после четырехдневного плавания высадилось под Дербентом. Началось трудное и опасное путешествие: послу и его спутникам приходилось довольствоваться солоноватой водой из колодцев, ставить ночные караулы от разбойников, бороться с болезнями.

В Исфахане начались переговоры. Заключенный в июле 1717 г. договор позволял русским купцам свободно торговать на всей территории Ирана с уплатой обычных пошлин и давал право закупать в любом количестве шелк без уплаты лишних сборов за вывоз; они получили защиту от злоупотреблений чиновников, персидские власти обязались предоставлять им охрану и не навязывать недобросовестных переводчиков¹².

Помимо торговых дел, царь велел Волынскому "проведывать" о состоянии северных прикаспийских провинций Ирана и узнать, "какие где в море Каспийское реки большие впадают" - Петра интересовало, "нет ли какой реки из Индии, которая б впадала в сие море". Требовались сведения об укрепленных городах и о вооружении шахских войск. Петр мечтал овладеть торговыми путями в Индию и повернуть поток шелка и других восточных товаров

на Каспий-Волгу-Петербург. 28-летний подполковник задание выполнил - и стал одним из самых горячих сторонников экспансии на юг: "Хотя настоящая война наша нам и возбраняла б, однако, как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не токмо целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присоединить без труда можно, к чему нынешнее время зело удобно".

За успешное выполнение миссии Петр I в марте 1719 г. произвел Волынского в полковники и назначил начальником только что основанной Астраханской губернии¹³. Это был уже настоящий скачок в карьере - в круг принимавших важные решения лиц из числа петровского "генералитета". Перед отъездом Волынский присмотрел выгодную для себя "партию" в лице двоюродной сестры царя по матери - Александры Львовны. Нарышкины были от сватовства не в восторге, но обаятельный и настойчивый полковник заручился поддержкой царицы, с ее помощью вызвал невесту в Петербург, лично с ней объяснился, был помолвлен. В октябре 1720 г. он прибыл в Астрахань.

Губернатор вытребовал себе в помощь несколько десятков офицеров-администраторов, провел перепись-"ревизию", отремонтировал обветшавший кремль, привел в боеспособное состояние гарнизонные войска и губернский драгунский полк. Синод в 1721 г. обижался на него из-за разрешения открыть католическую и "люторскую" (протестантскую. - *И. К.*) церкви. "Иноземцы цесарцы римской религии, - отписал он в Синод, - есть в Астрахани в службе его императорского величества многие, а также купцы из армян того же закона. Опасности или подозрения от оных фратров быть для государства не чаю, а по-видимому со временем от них была бы и польза, понеже из тамошнего сурового народа обучаются от них молодые дети латинского и прочих языков"¹⁴. Именно в этой школе под покровительством губернатора начал свой творческий путь будущий поэт Василий Тредьяковский (их жизненные пути трагически пересеклись в 1740 году). В 1723 г. в Астрахани появилась "цифирная", а затем еще одна - гарнизонная школа¹⁵.

Обходительный кавалер снискал расположение царицы Екатерины: к ней он не раз обращался с письмами, посылал живые охотничьи трофеи - фазанов, дроф и "кабаньих поросят"¹⁶, а также "арапа с арапкою и с арапчонкою". "Арапка" оказалась беременной и в письме от 15 августа 1721 г. темпераментный губернатор признавался: "Арапка вашего величества родила сына, от которого уж не отрекусь, что я ему отец, ибо восприемником ему был, и тако хотя он и мой сын, однако ж не в меня родился, в мать, таков бел, как сажею выпачкан, и зело смешон"¹⁷. Записная книга расходов царицы свидетельствует, что 30 января 1722 г. "присланы в дом их величества от Артемья Волынского арап с женою, да калмык с женою; указом ее величества дано арапке Анне Ивановой 10 руб., да калмычке 5 рублей"¹⁸. Дальнейшая судьба чернокожего потомка Волынского, к сожалению, неизвестна.

Петр в декабре 1720 г. пожаловал Волынскому звание генерал-адъютанта и поручил ему координацию всей "персидской" политики на месте. Летом 1721 г. победой завершилась Северная война, и сразу же подвернулся предлог для вмешательства: объединившиеся против иранского господства повстанцы Ширвана во главе с их предводителем Хаджи-Даудом взяли Шемаху. При грабеже гостиных дворов русские купцы были "обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостиный двор напали"; некоторые торговцы были убиты, а все товары разграблены¹⁹.

"По намерению вашему к начинанию законнее сего уже нельзя и быть причины", - убеждал Волынский царя в донесении от 10 сентября. Он призывал Петра в поход следующим летом и

был уверен: "Невеликих войск сия

стр. 56

война требует, ибо ваше величество уже изволите и сами видеть, что не люди - скоты воюют и разоряют". Волынский подсчитал, что для успешной операции необходимо максимум десять пехотных и четыре кавалерийских полка вместе с тремя тысячами казаков, "толко б были справная амуниция и доволное число провианта"²⁰. Сам он прибыл на границу с двумя пехотными батальонами и тремя ротами драгун и послал тысячу донских казаков с атаманом Аксеном Фроловым за Терек отомстить горцам за набеги на казачьи городки. "Порубили и в полон побрали, сколько смогли, и бродили по болотам и по степям как хотели и так счастливо сию начатую на востоке компанию окончал, а шпаги из ножен не вынимал", - описывал свой поход Волынский, встретивший новый 1722 год "на голой степи, без воды и без дров"²¹.

В декабре 1721 г. формировался экспедиционный корпус, а затем в поволжских городах развернулось строительство транспортных судов. В мае император выехал из Москвы на юг - губернатор должен был принимать царя и его свиту (для Петра были выстроены терем в кремле и загородная резиденция), размещать прибывшие полки, грузить на суда провиант; ему же было поручено собрать в Астрахани 700 телег и купить 300 верблюдов для обоза²².

18 июля 1722 г. Петр I в последний раз повел в поход свои армию и флот. Волынский вместе с государем и царицей шел на боте "Ингерманланд" и через несколько дней высадился на пустынном берегу в Дагестане. Там царь вместе со свитой окунался в Каспийское море со спущенных с корабля досок. Однако начало Персидского похода оказалось не слишком радостным: двигавшаяся посуху конница опаздывала, страдала от жары и плохой воды; в столкновении у селения Эндери драгуны понесли большие потери. Петр виновным считал предсказывавшего легкую победу Волынского.

В написанном много лет спустя "оправдании о персидском деле" он рассказал, как государь "изволил наказать меня, как милостивой отец сына, своею ручкою", а потом уехал с адмиральского корабля на свой, вызвал к себе губернатора "и тут гневался, бил тростью, полагая вину ту, что тот город (Эндери. - *И. К.*) явился многолюднее, нежели я доносил". От дальнейших поучений "милостивого отца" Волынского избавила Екатерина...²³

В августе 1722 г. Петр I принял ключи от Дербента, но скоро вынужден был повернуть войска, не дойдя ни, до Баку, ни до Шемахи: штормы вывели из строя корабли с продовольствием и прочими припасами для армии. Короткий поход в раздираемый междоусобной войной Иран дал присоединение равнинного Дагестана, прибрежных земель Азербайджана и северной провинции Ирана - Гиляна. На астраханского губернатора легла обязанность принимать и отправлять курьеров и прочих направлявшихся в Низовой корпус и обратно лиц, переселять на Терек донских казаков, поставлять припасы для армии и материалы для строившейся на реке Сулаке в Дагестане главной военной базы России на Кавказе - крепости Святого Креста. Большую часть материалов приходилось доставлять с большими трудностями и перебоями морем из Астрахани. Недовольный комендант Г. И. Кропотов доложил царю, что до зимы крепость поставить не удастся по причине нехватки леса²⁴. К Волынскому пришло грозное царское письмо: "Господин губернатор. Велено вам поставить лес на плотину рано, а вы и в июле не поставили, чему удивляемся, как будешь отвечать". Кроме того, царь был недоволен задержкой отправки провианта: "Ежели сие дело за провиантом остоновится, то будете отвечать"²⁵.

Прибывший в октябре 1723 г. в Астрахань фендрик (прапорщик) Преображенского полка князь Федор Солнцев-Засекин вызвал к себе полковника-губернатора и учинил ему письменный допрос по предписанным государем

стр. 57

"пунктам". Волынский объяснял, что "бревенчатой лес" по его указанию заготавливал симбирский воевода еще зимой, но вывезти не успел из-за наступившей оттепели. Плоты с 5 - 6-саженными "сваями" прибыли лишь в июле и перегружались на морские суда, которых тоже в нужном количестве не было; те же бревна и доски, что подряжались в Астрахани, поступили в срок²⁶. Кажется, он был прав: его донесения осенью 1723 г. полны сведений об отправленных из Астрахани на Сулак бревнах, досках, гвоздях, топорах и прочих необходимых вещах. Однако без заступничества императрицы все же не обошлось: та сообщила губернатору, что на него "сомнения были" - по докладам армейских чинов, но доносители были признаны неправыми²⁷.

В мае 1724 г. Волынский принял участие в торжествах по случаю коронации императрицы Екатерины; во время парадного обеда в московском Кремле он стоял "за креслами его императорского величества" и служил за столом. Однако на губернатора был наложен штраф за выдачу денег подчиненным без разрешения Штатс-конторы - тут он хоть и погрешил, но считал свои действия оправданными: его чиновники не получали жалования три года; себе же лично он взял только 300 четвертей ржи - из полагавшегося ему как губернатору, но не выданного "хлебного жалования". С горечью он жаловался, что государь "ни правды ни вины моей знать не изволит, кроме лесу и людей"²⁸.

Но обойтись без Волынского на южном рубеже империи Петр не мог. Последовало новое задание - выбрать нового хана калмыков. В феврале 1724 г. старый хан Аюка умер, и в орде началась борьба за престол. Волынский предлагал выдвинуть представителя боковой ветви ханского дома - нойона Дорджи Назарова, и Сенат утвердил эту кандидатуру. Волынский отправился в степь; в юртах кочевников убеждал, угрожал или "ласкал" несговорчивых и чуждых европейским нравам "партнеров"; раздавал присланные из столицы меха и другие подарки; приходилось следовать непривычным церемониям, угощаться местными яствами (густым бараньим супом с луком и перцем и кумысом), наблюдать "выходящие из пределов благопристойности" пляски, терпеть ночной холод и дневную жару.

Из-под Саратова он писал А. И. Остерману: "И по се время ни малого основания не могу сделать, понеже калмыки все в разноте, и великая ныне между ними конфузия, так что сами не знают, что делают; и что день, то новое, но ни на чем утвердиться не возможно, и верить никому нельзя, кроме главного их Шахур-ламы". Дорджи Назаров отказался от ханской власти - против него выступила влиятельная вдова хана Дарма-Бала, и нойон решил не рисковать.

Времени для связи с Петербургом не было. После консультаций с духовным главой калмыков Шакур-ламой Волынский решил поставить наместником сына Аюки Церен-Дондука, несмотря на противодействие ханши, ее любимого внука Дондук-Омбо и старшего внука Аюки Дасанга. "Необходимая нужда того требует для того, что Дундук-Омбо всячески трудится, чтоб никому ханом не быть, и ханскую жену так наострил, что она не только иного, ни сына своего допустить не хочет... Хотя знатные калмыки доброжелательные равно почитают его и Досанга, что и самая правда, понеже они оба и глупы и пьяны, а Черен-Дундук видится еще поглупее, он же и с эпилепсиею; однако улусами своими мало не вдвое сильнее Досанга, а к тому ж много при нем и людей умных и добрых, в том числе и Шахур-лама, который к его императорскому величеству

является zelo усерден и многие в том прямые пробы показал", - доложил он в столицу²⁹.

6 сентября 1724 г. с двумя ротами драгун губернатор прибыл в ханскую ставку в 40 верстах от Саратова. На этом "конгрессе на речке Сапуновке" он

стр. 58

объявил свое решение как царскую волю. Дарма-Бала потребовала предъявить грамоту о назначении Церен-Дондука, и Волынский вынужден был собственноручно изготовить императорский указ и показать его калмыцкой знати. 19 сентября 1724 г. состоялось назначение нового правителя. Дарма-Бала и Дондук-Омбо на церемонии отсутствовали, хотя позднее и подписали присягу. Недовольны были и сенаторы, но губернатор объяснял, что назначил Церен-Дондука не ханом, а наместником - до назначения нового хана, что позволяло оценить его лояльность, а при нужде подобрать новую кандидатуру. В феврале 1725 г. Петербург утвердил Церен-Дондука в должности наместника³⁰. Нарушая букву инструкции, Волынский сохранял ее дух, направленный на постепенное ограничение полномочий калмыцкого правителя. В то же время, избрав Церен-Дондука, он стремился создать последнему "баланс" в лице честлюбивого и обиженного старшими родственниками Дасанга.

В это время он получил указ (от 26 июля 1725 г.) о назначении губернатором в Казань Петра I уже не было в живых; началось короткое и неяркое царствование Екатерины I. Оставаясь на краю империи, Волынский только с оказией мог узнавать о происходивших в столице переменах. Императрица ему всегда благоволила - а он в решающий момент оказался вдали от двора, царских милостей и большой политики! Между тем началась "великая перемена чинам" военным и штатским - в иной день Екатерина подписывала по сотне новых патентов. Многие знакомые губернатора поднялись высоко: Макаров стал тайным советником, Остерман - действительным тайным советником и вице-канцлером, а он оставался полковником в степной глуши и с риском для жизни выполнял решения столичных министров.

Екатерина о Волынском не забыла. В июле 1725 г. она простила ему наложенный Петром штраф и отозвала из Астрахани - но при этом по-прежнему оставила его провинциальным администратором. Волынский благодарил: "Получил я указ из Сената о том, что ваше императорское величество повелели положенный безвинно на меня штраф 12 000 рублей снять, а паче соизволили свободить из астраханской пеклы, и что я между здешних варвар волочуся на моих собственных проторях, за те мои убытки наградить. Я, волочуся здесь, ныне уже было и до того дошел, что калмыки за мое к ним бескорыстное благодеяние и за труды и самого меня убить или поймать хотели".

Казанское губернаторство во многом было формальным, поскольку Волынский большую часть времени вынужден был посвящать калмыцким неурядицам. Да и продолжалось оно недолго - в июле 1726 г. он был уже в Петербурге. В августе 1726 г. Волынский купил дом в столице и занял свое место в свите государыни. В качестве генерал-адъютанта он часто бывал у фактического главы правительства Меншикова - когда князь "слушал дела", бывал и "при столе" за завтраками и обедами; вместе с придворными дамами и кавалерами навещал его загородную резиденцию - Ораниенбаум³¹.

Приближение ко двору помогло решить личные дела. 24 ноября 1726 г. Меншиков объявил о повышении его из полковников в генерал-майоры, минуя промежуточный чин бригадира. Министры Верховного тайного совета в очередной раз распорядились выдать ему неуплаченное

жалование и удовлетворили просьбу о пожаловании пустошей в Шлиссельбургском уезде. Однако относительное благосостояние после тяжелой кочевой жизни на окраине не могло возместить удаление от заметной государственной деятельности. Едва ли натура сановника могла довольствоваться ролью придворного, который на выездах императрицы следовал за ее каретой и возглавлял охрану, или "шталмейстера" - конюшего на парадных церемониях³².

Но столичная жизнь закончилась со смертью благодетельницы. Во время последней болезни императрицы Волынский находился при светлейшем

стр. 59

князе; состоял он при нем и в первые недели нового царствования - "кушал" и "слушал дела"³³. Однако при новом дворе места для Волынского не нашлось. В марте 1728 г. министры определили возвратить его на прежнее место службы (указ состоялся только в мае)³⁴. На этот раз казанское губернаторство оказалось реальным, но хлопотным делом. По прибытии Волынский занялся планировкой и благоустройством города: убрал с территории кремля старые деревянные строения; были разобраны обветшавшие городские стены, в результате застройка посада слилась с застройкой окружающих слобод.

Там его застала неожиданная политическая "оттепель": в январе 1730 г. Верховный тайный совет избрал на трон Анну Ивановну, ограничив ее власть известными "кондициями", а собравшемуся "шляхетству" предложил сочинять проекты будущего государственного устройства. "Здесь дела дивные делаются, - писал старшему по чину родственнику в Казань из столицы бригадир Иван Михайлович Волынский. - По кончине его величества выбрали царевну Анну Ивановну с подписанием пунктов, склонных к вольности, и чтоб быть в правлении государства верховному совету 8 персонам, а в сенате 11-ти; и в оном спорило больше шляхетство, чтобы быть в верховном совете 21 персоне и выбирать оных баллотированием, а большие не хотели оного, чтобы по их желанию было 8 персон".

Прибывший из Москвы очевидец капитан-командор Иван Козлов искренне радовался: "Теперь у нас прямое правление государства стало порядочное, какого никогда не бывало, и ныне уже прямое течение делам будет, и что уже ни о чем больше не надобно Бога просить, кроме чтоб только между главными согласие было, а если будет между ними согласие так, как положено, то конечно, никто сего опровергнуть не может"; сама же императрица отныне имеет право потратить только выделенные ей 100 тыс. руб., "а сверх того, не повинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому", - излагал Артемий Волынский эти рассказы в письме к воспитателю - Семену Андреевичу Салтыкову³⁵.

Губернатора новости приводили "в великую печаль". Казалось бы, более демократическое устройство должно было выглядеть привлекательным в глазах энергичного, но отодвинутого на периферию деятеля. Однако он видел в такой перемене не столько расширение дворянских прав, сколько опасность того, "чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий".

Вынужденный с юности сам прокладывать себе дорогу, Волынский не был склонен идеализировать нравственные достоинства своего сословия: "Народ наш наполнен трусостью и похлебством, для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или и страха ради, - и так, хотя б и вольные всего общества голосы

требованы в правлении дел были, однако ж бездельные ласкатели всегда будут то говорить, что главным надобно. А кто будет правду говорить, те пропадать станут, понеже уже все советы тайны быть не могут; к тому же главные для своих интересов будут прибирать к себе из мелочи больше партизанов, и в чьей партии будет больше голосов, тот что захочет, то и станет делать, и кого захотят, того выводить станут; а бессильный, хотя бы и достойный был, всегда назади оставаться будет".

Волынский признавал, что "в неволю служить зело тяжело". Но мгновенное освобождение от этой ляжки считал еще более опасным: "Ежели и вовсе волю дать, известно вам, что народ наш не вовсе честолюбив, но паче ленив и нетрудолюбив; и для того, если некоторого принуждения не будет, то конечно, и такие, которые в своем доме едят один ржаной хлеб, не похо-

стр. 60

тят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всяк захочет лежать в своем доме". На службу пойдут "одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и своей чести надлежащие места отдавать им; и таких на свою шею произведем и насажаем непотребных, от которых впредь самим нам места не будет".

Пока губернатор размышлял, ситуация в столице изменилась. Вокруг Анны Ивановны образовалась "партия" сторонников восстановления самодержавия - включавшая родственников императрицы Салтыковых, в их числе был и майор Преображенского полка Семен Салтыков. 25 февраля 1730 г. во дворце неожиданно появилась дворянская депутация и вручила Анне Ивановне прошение о созыве шляхетского собрания и с просьбой "согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить". Анна подписала челобитную и отправилась на обед вместе с членами Верховного тайного совета. Оставшись под охраной гвардейских караулов, депутаты никакой новой "формы правления" сочинить не смогли и подали государыне вторую челобитную с просьбой "всемилодивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели" - после чего государыня Анна "при всем народе изволила, приняв, изодрать" поданные ей "кондиции".

Волынский как будто надеялся, что наступившее "благополучие" позволит ему покинуть Казань. Все же он приходился двоюродным племянником Анне Иоанновне (его дед с материнской стороны был родным братом Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана Алексеевича), а Семен Салтыков занял высокое место при дворе. Но прибытие состоялось совсем в иных условиях - у него начался конфликт с казанским митрополитом Сильвестром.

Губернатор поддержал следствие по одному из доносов о самоуправстве архиерея, и тот в июне 1730 г. подал в Синод челобитную о претерпеваемых им от Волынского "бедствиях". 38 пунктов этой жалобы обвиняли губернатора в захвате церковных "старинных мест" в городе, вырубке рощи "при домовом нашем Кизическом монастыре", устройстве в обители "конюшего двора". Его люди и солдаты избивали архиерейских служителей и прочих духовных лиц; забирали на работы архиерейских крестьян и "домовых" мастеров; помещали "к домовым нашим певчим и церковным причетникам" солдат на постой. Сам же губернатор "летом и зимой с псовой охотой многолюдством ездит по полям и санным покосам, и посеянный яровой и озимый хлеб наш и монастырский лошадыми и собаками и людьми своими толочут необычно", а кроме того насильно берет с крестьян продовольствие и фураж³⁶.

Жалобы выглядели правдоподобно, и опытный "дядя"-Салтыков отчитал "племянника": "Не

токмо, чтоб поступать так, и стыдно слушать, как будут честь. Я не знаю, как изволишь так строго поступать. А я ведаю, что друзей вам почти нет, и никто с добродетелью о имени вашем помянуть не хочет. Я как слышал, что обхождение ваше в Казане с таким сердцем, и на кого осердишься, велишь бить при себе, так же и сам из своих рук бьешь. Что в том хорошего, и с таким сердцем на што поступал и всех озлобил?.. Пожалуй, изволь жить посмирнее!"³⁷.

Однако "жить посмирнее" было не в характере Волынского. Он немедленно отослал свои протесты с опровержением "наглой напраслины", требовал суда и стал собирать улики о финансовых злоупотреблениях владыки - незаконных сборах и штрафах с попов, высокой плате за поставление священников (из-за чего 60 храмов епархии стоят "пустыми"), завышенных в несколько раз "венечных" пошлин с прихожан.

Тщательного следствия по делу так и не было, а потому указать виновного в потоке взаимных претензий невозможно. Однако спор губернатора и

стр. 61

архиерея обнажил "изнанку" патриархального российского бытия, потревоженного преобразованиями Петра I. Самым печальным в нем представляется сохраняющаяся и по сей день зыбкость правовых начал российской жизни, К примеру, обе "высокие стороны" оспаривали друг у друга принадлежность нескольких дворов, но ни одна из них не приводила подтверждения права на свою собственность - речь шла лишь о былом "владении" и произвольной передаче недвижимости из рук в руки; при этом губернатор произвольным решением сносил обывательские дома и не считал нужным разрешать строиться архиерейским певчим просто потому, что они "небрежением своим" могут устроить пожар. Власть духовная не была разграничена с правами светских "командиров" - потому чиновники архиерейского дома могли себе позволить не подчиняться даже указам Синода и не отдавать документы людям губернатора.

Отсутствие правовых норм компенсировалось насилием - только явные превышения некоего привычного уровня требовали оправдания. Волынский в ответ на обвинения митрополита уверял, что не таскал лично секретаря Ивана Богданова за волосы, а только приказал капралу ударить его "раз пять или шесть" - и не ногами, а палкой. Другой же секретарь, Осип Судовиков, не сидел под караулом "многое время", а всего-то "сутки или двое". Митрополит жаловался на то, что Волынский отправил на сенокос его крестьян, а тот недоумевал - прежде ведь работали.

Это время было, наверное, самым тяжелым для него испытанием: в разгар борьбы слегла и через месяц (12 сентября 1730 г.) скончалась его супруга, оставив на руках мужа троих маленьких детей, а 18 сентября Сенат отстранил его от должности. В самом конце 1730 или в начале 1731 г. он прибыл в Москву на отцовский двор на Рождественке. Возвращение не было приятным: императрица на прошение не ответила, а его противники нанесли, казалось, уже поверженному врагу еще несколько чувствительных ударов. Представители местного татарского населения подали на губернатора жалобу в том, что он приказал собирать с них деньги - помимо положенных податей. Это было уже более серьезное обвинение, нежели охотничьи приключения или хозяйственные споры о дворах. Волынский и преданные ему люди в Казани нашли выход: бывший губернатор объявил, что деньги ему давали, но не в качестве взятки, а под расписки - на сохранение "для провозу до Москвы" - и для своих же выборных по хлопотам в правительственных конторах³⁸.

Однако сенаторы уже располагали новыми показаниями, из которых следовало, что сборы были

не добровольными, расписки не соответствовали действительности: возвращены на деле были лишь 800 руб., а остальные "уступлены" Волынскому. Обвиняемый повел себя нестандартно. Он мог бы, как его противник митрополит, и далее отговариваться, выискивать все новые юридические зацепки и кляузничать на самих обвинителей. Но как ему, столбовому дворянину, уподобляться сутяжному подьячему? И генерал-майор вызвал огонь на себя - в личном письме к императрице признался в сборе с "ясашных иноверцев" трех тысяч рублей и просил "милосердного прощения".

Анна поступок "молодца" оценила. 28 сентября 1731 г. состоялся именной указ о прощении виновного: "...понеже генерал маюр Артемей Волынской ее императорскому величеству всеподданнейше подал на письме повинную в разных взятках, которые он брал в бытность его в Казани губернатором и в чем от ее императорского величества всемилостивейшего прощения просил. И того ради, в тех от него самого объявленных взятках он, Волынской, всемилостивейше прощен, и ее императорское величество указала его из-под аресту освободить"³⁹.

стр. 62

Видимо, Анне Иоанновне судьба бравого генерала была небезразлична. К тому же и "дядя"-Салтыков явно замолвил слово за родственника и напомнил, что тот попытку ограничения самодержавия не поддержал, а такое императрица не забывала. Карьера Волынского пошла вверх. В январе 1732 г. императрица повелела прекратить следствие о делах губернатора; другим указом ему вручалась "дирекция" над "учрежденной Конюшенной комиссией"; кроме того, она подтвердила патент Волынского на звание императорского генерал-адъютанта⁴⁰.

Таким образом, Волынский вновь приобрел положение при дворе. Именно придворный круг обеспечивал успех многих известных деятелей аннинского и елизаветинского царствований. Чрезвычайно важный по приближенности к особе императрицы пост обер-камергера вслед за Меншиковым и Иваном Долгоруковым занял Эрнст Иоганн Бирон, чье имя стало символом правления Анны. Новым обер-гофмейстером стал С. А. Салтыков, обер-гофмаршалом - Р. Левенвольде.

В системе придворных учреждений конюшенное ведомство обладало влиянием не только потому, что лошади были главным средством передвижения, а красота придворного выезда говорила о престиже державы, - на него возлагалось обеспечение войска годным конским составом. В нечерноземной России с ее неплодородными почвами и коротким рабочим сезоном крестьянин часто не успевал заготовить лошадям корм на весь год; малорослых лошадей и коров приходилось кормить соломой, и к весне "без жалости на скотину взглянуть не можно. Тут она обыкновенно и мрет" - так описывали эту крестьянскую беду хозяйственные дворяне в XVIII веке. За годы Северной войны бесчисленные конские наборы шли один за другим, а качество поголовья все ухудшалось. Для полков тяжелой кавалерии (латников-кирасир) приходилось приобретать коней за границей.

11 мая 1732 г. именной указ императрицы Сенату предписывал привести в порядок дворцовые конские заводы и "заводить и размножать" новые, чтобы "со временем могли мы довольствоваться как конную нашу гвардию, так и всю нашу кавалерию своими природными государства нашего лошадыми рослыми"⁴¹. Задача "нашу кавалерию в доброе и к военной службе потребное и полезное состояние привести" поручалась "обер-шталмейстеру, гвардии полковнику и генерал-адъютанту" графу Карлу Густаву фон Левенвольде. Ему подчинялась "комиссия о размножении конских заводов" во главе с Волынским, при этом он имел право в отсутствие начальника

отчитываться непосредственно перед императрицей.

Волынский в качестве знатока лошадей и коннозаводского дела не уступал Бирону. На его "аргамачьем заводе" в с. Васильевском в 1740 г. имелось 48 лошадей, обслуживаемых 8 конюхами; во втором (в с. Батыево) он содержал 101 лошадь разных пород. Приказчики вели "реестр молодым жеребцам" и "кабылам, которым быть у припуска", в них указывалось происхождение каждого обитателя конюшни: "Жеребец вороной, грива направо; от темно буланой домашней кобылы и от вороного домашнего жеребца Малыша"⁴². Хозяин же скучал по своим любимцам и, не имея возможности часто бывать

стр. 63

в далеких от Москвы селах, просил перевести коней поближе, поскольку "желает смотреть лошадей".

Составленная Волынским "Регула о лошадях, как содержать и притом прилежно смотреть надлежит, чтоб в добром призрении были" поражает знанием подробностей и выдает истинного знатока, для которого в столь важном деле мелочей не было: "Для летних выпусков лошадям сделать около Батыева в разных местах два пригона, где пристойно и ближе к пастбищам, где пасутся лошади, дабы из пригонов лошадям недалекий до кормов перегон был, а делать выбрав сухие и скалистые места, чтоб вода не стояла и не было грязи; и оплесть плетнем частым со всех сторон, длиною каждую стену по 50 сажень, а вышиною б в три аршина или выше, а посредине одни ворота; а по обеим сторонам ворот сделать по сараю до самых побочных стен, плетеные ж, и сверху соломою накрыть как покрываются обыкновенно, дабы в ненастные времена лошадям дождь не докучал". (После казни хозяина в казну отошли 362 его лошади.)

Взявшись за дело, он представил государыне отчет о состоянии конюшенного хозяйства и о путях создания конских заводов при казачьих, солдатских или ясачных слободах с пригодными землями и лугами. Все эти предложения были приняты. В свое ведение Волынский получил созданную в Москве Конюшенную канцелярию и подчиненные ей дворцовые волости и села⁴³. После отбытия Левенвольде в Польшу с посольской миссией теперь уже он подавал в Кабинет доношения о конюшенных делах, рапортуя, кто и куда из его подчиненных послан, сколько и каких именно подходящих "мест" для будущих заводов обследовано; заботился об обеспечении "конюшенных чинов" достойными окладами⁴⁴.

Оценив значение фаворита, Волынский регулярно сообщал ему о делах своего ведомства и одним из первых догадался посылать короткие "экстракты" на немецком языке, "чтобы ваше сиятельство, милостивого государя, не утрудить тем, а о всем бы, как милостивому патрону моему, известно было"; "патрона" можно было попросить "при случае, что потребно из того будет, о том милостиво внушить ее императорскому величеству, всемилостивейшей государыне"⁴⁵. Для знатока-лошадника Бирана он лично отбирал кобыл с Украины: из присланных он оставил шесть, остальных забраковал - две лошади слишком "щекасты", а у четырех оказались "голова сухи"⁴⁶. Фаворит отвечал учтиво и откликнулся на просьбы: при его поддержке Волынскому было разрешено не строить каменный дом в Петербурге, на который у него не хватало средств⁴⁷.

Труды по преобразованию конюшенного ведомства пришлось, однако, на время прервать: в 1733 г. генерал-майор Волынский со своей "командой" двинулся на Польшу - отстаивать права на польский престол российского претендента, саксонского курфюрста Августа. Со своими

драгунами он начал осаду Гданьска, где укрылся беглый король Станислав Лещинский. Но тут он не поладил с главнокомандующим - фельдмаршалом Б. Х. Минихом - и под предлогом болезни отбыл из армии.

В столице он вновь с головой ушел в работу. На местах, в конюшенных имениях и на заводах состояло около 500 человек: шталмейстеры, управители, "служители конюшенного чина" (конюхи, коновалы и т.п.), работники мельниц, кузниц, кожевенных мастерских, причты церквей, ученики школ при заводах. Подчиненные Волынского описывали и межевали отведенные им земли и угодья, приобретали лошадей в России и за границей и распоряжались поставками коней в армию и ко двору. За заслуги на этом поприще Волынский был возведен в декабре 1734 г. в чин генерал-лейтенанта.

В 1734 г. он доложил, что его подчиненными "сыскано и описано в разных губерниях и провинциях таких 104 места, на которых по довольству земель, по рассуждениям штаб- и обер-офицеров, в репортах, присланных в

стр. 64

комиссию, назначено, что можно на тех местах содержать в заводах до 36190 лошадей". По каждому такому пункту была составлена подробная опись с указанием, сколько имеется годной под распашку земли и лугов.

В марте 1735 г. Кабинет министров определил отвести под заводы 57 новых мест, для которых нужно было приобрести 840 немецких жеребцов и 7000 отечественных кобыл; для их содержания предназначалось 74 638 приписных душ. На устройство конюшенных дворов требовалось 351120 рублей⁴⁸. Однако "штат и примерное исчисление о новоучреждаемых конских заводах" поступили на рассмотрение министров 1 июля 1736 г. - в самое неподходящее время. В условиях начавшейся войны с Турцией денег в казне не нашлось, масштабный проект не был "апробован".

После смерти своего шефа Левенвольде Волынский мог рассчитывать на пост обер-шталмейстера двора, но здесь его соперником выступил князь Александр Борисович Куракин - сын знаменитого петровского дипломата. "Князь Куракин умом и талантами наделен, но так предан пьянству, что затруднительно выбрать время, когда бы с ним о деле говорить", - характеризовали его прусские дипломаты. Однако при всем том князь был искусным придворным - своими манерами и шутками очаровал государыню (Анна пьяниц не любила, но Куракину грех прощала) и вошел в доверие к Бирону.

Обер-шталмейстером стал Куракин, но, чтобы не обижать Волынского, с мая 1736 г. конюшенное ведомство было разделено на две части: собственно Конюшенную канцелярию и Придворную конюшенную контору. Волынский по-прежнему заведовал обширным хозяйством - казенными конными заводами, а Куракину досталось ведать царскими конюшнями и выездом в Петербурге. На оба ведомства отпускались немалые деньги - по 50 тыс. руб. в год.

Помимо конюшенных дел, у Волынского появились новые заботы. Он - по своей генерал-адъютантской должности - объявлял именные указы государыни; участвовал в следственных комиссиях по делам о злоупотреблениях иркутского вице-губернатора А. И. Жолобова; подал Анне Иоанновне свое мнение по поводу представленного ей в январе 1735 г. проекта "о экономических и промышленных нуждах России", который обсуждался в "генеральном

собрании" кабинет-министров с участием других сановников⁴⁹. В 1736 г. он участвовал в суде над Д. М. Голицыным - одним из тех, кто пытался ограничить самодержавие Анны Ивановны.

28 января 1736 г. Волынский стал обер-егермейстером - начальником придворной охоты "в ранге полного генерала", то есть, ввиду охотничьих пристрастий императрицы и Бирона, занял весьма важную должность. Новый глава ведомства доверие оправдал и тешил Анну с размахом. Порой царская охота напоминала бойню: прямо во дворе Зимнего дворца валили кабанов; в Летнем саду свора гончих травила медведей, волков, лисиц. "С 10 июня по 6 августа ее величество, для особенного своего удовольствия, как парфорсною охотою, так и собственноручно, следующих зверей и птиц застрелить изволила: 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 диких уток и 16 больших морских птиц", - сообщали "Санкт-Петербургские ведомости".

Зимой 1737 г. Анна Иоанновна изволила "едва не ежедневно по часу перед полуднем... смотрением в Зимнем доме медвежьей и волчьей травли забавляться". Запас зверей подошел к концу. Волынский доложил о необходимости доставить ко двору медведей, поскольку из имевшихся одни уже были затравлены, а другие изранены настолько, что больше их "травить уже не можно" - и сенаторам пришлось распорядиться о закупке зверей на Новгородчине. Куропаток для охоты в Петергофе завозили с Украины, а зайцев - из новгородских лесов, где этим поручением занимался лично вице-губернатор⁵⁰. В загородные зверинцы обитателей привозили не только из разных

стр. 65

областей России, но и из Сибири и даже из Ирана. Обер-егермейстер лично распорядился доставкой ко двору редкостных белого кабана из подмосковного Измайлова и белой галки из дома покойного князя И. Ф. Барятинского.

В ведении обер-егермейстера находились "зверовые и охотничьи дворы", псарни в Петербурге и подмосковном Измайлове, охотничье снаряжение, "седельная казна", обеспечение штата "мундиром" и жалованием. Летом 1740 г. в его ведомстве состояло в Петербурге и Петергофе 96 человек, 185 собак, 52 лошади и 136 штук всякого зверья - лис, рысей, кабанов, американских оленей, львов, зубров, медведей - и слон. В Москве - 79 охотников и "служителей" со 148 собаками, 15 лошадьми, ловчими птицами и точно не подсчитанным звериным поголовьем - одних только зайцев содержалось 700 штук⁵¹.

Разумеется, Волынский и сам был настоящим охотником. У него имелись гончие и борзые разных пород: курляндские брудастые, "хортые польские", "арлекины чистопсовые". Подбирал он их со знанием и азартом: "Столько хорош, что я, хотя уже не одну тысячу в жизнь мою видел собак, только истинно такой беспорочной от роду мало видел... Мне безумно будет жаль, если она собака, не оставя здесь плода, увезена будет, за которую он подлинно одному шляхтичу заплатил всего больше, как 400 ефимков", - восхищался он борзым кобелем польского посла в письме Салтыкову в 1734 году.

В 1737 г. пришлось отправиться из столицы на юг - в края, где прошла боевая молодость. После нескольких поражений в ходе войны 1736 - 1739 гг. турки согласились на переговоры. На конгресс в пограничный польский город Немиров императрица отправила делегацию во главе с его старым знакомым Петром Шафировым; вторым послом назначен был Волынский; третьим -

бывший резидент в Стамбуле Иван Неплюев.

Был повод гордиться: спустя двадцать пять лет после неудачного Прутского похода, он - теперь уже не молодой офицер, а полномочный посол - должен был продиктовать туркам мир. Но прибывавшие донесения с театра военных действий не радовали. Австрийские войска после первых успехов терпели поражения и очистили занятый ими Бухарест. Миниху пришлось срочно вывести из взятого Очакова победоносную армию; фельдмаршал писал Бирону, что его солдаты "умирают как мухи". От голода и болезней страдала в Крыму и армия другого фельдмаршала - П. П. Ласси. Молдавия и Валахия стали причиной раздора среди союзников: австрийцы первыми претендовали на эти территории и подали письменный протест против русских предложений; в ультимативной форме они потребовали у турок Боснию и большую часть Валахии.

Шафиров и Волынский вынуждены были отступить от начальных требований об уступке Крыма - они желали получить Азов, Очаков и причерноморские степи от Кубани до Днестра. Лукавый реис-эфенди выразил готовность заключить мир на предложенных условиях, но при условии, "чтоб Россия обязалась, после удовольствования от Порты по своему желанию, отстать от союза с римским цесарем" - то есть разорвала отношения с союзником. "Из всех поступков турок, - писали послы в Петербург, - ничего другого признать не можем, как что они у нас выведать хотят, чтобы мы им нагло открылись, а потом бы ваше величество с римским цесарем поссорить, ибо сначала и им (австрийцам. - *И. К.*) те же попытки чинили чрез молдавского князя Гику. Турки всячески простираются между нами холодность положить, в чем их весь авантаж состоит".

Турки "проволили" время, пока ситуация на фронтах не изменилась для них к лучшему. Император Карл VI только в конце августа согласился умерить свои притязания - но было уже поздно. Теперь реис-эфенди был согласен отдать России только Азов, и то с разрушенными укреплениями. Волынский категорически отказался от таких условий и пригрозил: "Ежели

стр. 66

турки недовольны нашими умеренными требованиями, то мы будем далее войну продолжать. Но ежели пламень расширится, то, может быть, как он упоает на Бога, в будущую кампанию и сверх Очакова что турки потеряют; тогда им труднее и договоры быть могут"⁵². На этом переговоры закончились. 25 октября Волынский и его товарищи двинулись в обратный путь на Киев.

Дипломатическая неудача взлету не повредила. "Нам любезноверный обер-егермейстер наш Артемий Волынской чрез многие годы предкам нашим и нам служил и во всем совершенную верность и ревностное радение к нам и нашим интересам таким образом оказал, что его добрые квалитеты и достохвальные поступки и к нам показанные верные и усердные службы к совершенной всемилостивейшей благоугодности нашей служить могли. Того ради, мы оного апреля третьего дня тысяча семьсот тридесят осьмого году, в наши кабинетные министры всемилостивейше пожаловали и определили" - эти слова императорского патента означали вершину его карьеры⁵³.

Путь наверх был труден - в интересах карьеры приходилось заискивать, исполнять повеления и постоянно показывать "ревностное радение" отнюдь не только в государственных интересах. Как и другие придворные, Волынский заверял Бирона в своей преданности: "Увидев толь милостивое объявленное мне о содержании меня в непременной высокой милости обнадеживание, всепокорно и низжайше благодарствую, прилежно и усердно прося милостиво меня и впредь оные

не лишить и, яко верного и истинного раба, содержать в неотъемлемой протекции вашей светлости, на которую я положил мою несумненную надежду... от всего моего истинного и чистого сердца вашей светлости и всему вашему высокому дому всякого приращения и благополучия всегда желал и желать буду, и, елико возможность моя и слабость ума моего достигает, должен всегда по истине совести моей служить и того всячески искать, даже до изъятия живота моего".

В этом письме 1737 г. он как будто предсказал свою судьбу - "живот" был изъят как раз за недостаточное служение. Но тогда звезда обер-егермейстера восходила, и герцог заверил его в своей поддержке. Усердный слуга представлялся наилучшим кандидатом в министры для "противовеса" хитроумному Остерману. Так и получилось. Волынский перетянул на свою сторону князя А.М. Черкасского и стал играть главную роль на заседаниях, Остерман вынужден был уступить ему право "всеподданнейших докладов" императрице.

Осторожный вице-канцлер даже в присутствие не являлся, предпочитая объясняться с коллегами письменно⁵⁴. Однако многоопытный бюрократ не сдался под напором соперника. Остерман подавал свои "мнения", в которых подвергал сомнению решения коллег: советовал испросить "всемиловитейшую резолюцию" императрицы, критиковал те или иные их предложения, требовал изменить формулировку проекта указа или указывал на необходимость согласования решения и использовал малейшие промахи оппонентов - отмечал, например, в журнале, что не обнаружил присланных из Сената бумаг, а "понеже те оба сообщения мне не объявлены, того ради и моего мнения объявить не могу".

Волынский рассматривал множество различных дел - например, "изволил приказать взять сего числа ведомость: сколько ныне во всем флоте матросов и в морских полках всех чинов людей налицо, и к тому в комплекте потребно в кабинет ее величества сего числа из военной коллегии ведомость: сколько в остзейских гарнизонных полках людей состоит и в комплект надобно"; или требовал подать сведения, сколько именно не хватает на армию сукна с "российских фабрик". Приказывал завести в Астрахани "шелковые сады", отправлял гарнизонных солдат на работу к "шлюзному мастеру" на Неву у Смольного двора, разъяснял Военной коллегии, как отбирать кобыл для конских заводов, устраивать конюшни и какой штат конюхов для них нужен⁵⁵.

стр. 67

Он желал возродить петровскую практику посылки за государственный счет юных "пенсионеров" для обучения за границей, чтобы получить квалифицированных специалистов - не только технических, но и по части "политических и гражданских дел"⁵⁶; к сожалению, неизвестно, что вышло из этих намерений. Он возродил план строительства конских заводов, "собранных из русских кобыл с немецкими жеребцами" - но теперь уже за счет духовенства и на церковных землях. Показывая государыне образцы породы, министр обещал, что в скором времени кавалерия, укомплектованная "так сильными и легкими лошадьми, всеконечно прочих всех в Европе превзойтить может". Проект был утвержден именным указом от 19 ноября 1739 г.⁵⁷, но провести его в жизнь министр уже не успел.

Пришлось ему участвовать и в жестоком "деле" князей Долгоруковых, которые в глазах Анны Ивановны выглядели главными виновниками попытки ограничения самодержавия, ее персональными врагами. В 1738 г. на ссыльных было заведено новое дело. Тобольский канцелярист Осип Тишин донес, что Иван Долгоруков презрительно отзывался об Анне Ивановне: "Какая она государыня, она шведка!" и порицал ее отношение к Бирону и к своему

роду, который она "разорила". В ходе розыска Долгоруков сознался не только в "непристойных словах", но и в сочинении подложного завещания Петра II, передававшего трон царской невесте - княжне Екатерине Долгоруковой. Эти признания в итоге привели его и других членов семейства на плаху в ноябре 1739 года.

В повседневной же деятельности Волынский был склонен проявлять снисхождение, зная по себе, что приходится терпеть, находясь под следствием, - тем более незнатным и не влиятельным подданным. Рассматривая в сентябре 1738 г. предложение Сената "об удержании пыток в малых делах", он отправил его обратно с указанием, что "пока уложение сочинено и исправлено будет", надо позаботиться, "дабы люди в малых делах напрасно пыток между тем не терпели". В ноябре он же обязал полицию выделять жителям сломанных в ходе строительства на Переведенской улице домов новые помещения, чтобы они "не померли от от стужи и нужды". 16 августа 1739 г. сам кабинет-министр распорядился не взимать "доимку" в размере 400 руб. с бедной вдовы Юровой и, "за объявленным ее убожеством, не взыскивать и из доимки выключить"⁵⁸.

После войны Волынский и его друзья попытались наметить новый долгосрочный курс внутренней политики. Вокруг него сложился кружок; его "конфидентами" стали "фамильные", но образованные люди: архитектор П. М. Еропкин, моряк и горный инженер А. Ф. Хрущов, морской инженер и ученый Ф. И. Соймонов, президент коммерц-коллегии П. И. Мусин-Пушкин, секретарь императрицы Иван Эйхлер. Компания собиралась по вечерам в доме Волынского на Мойке. Интеллектуальные беседы подвинули министра на сочинение проекта, который он сам на следствии называл сочинением "о поправлении государственных дел", или "генеральным рассуждением".

Проект до нас не дошел. Автор доделывал его вплоть до самого ареста, но после грянувшей опалы черновик сжег, а переписанную набело часть отдал начальнику Тайной канцелярии А. И. Ушакову - этот пакет пока исследователям найти не удалось. Из обвинительного заключения и показаний самого Волынского и его друзей можно составить лишь некоторое представление о его содержании.

В "исторической части" проекта Волынский, как показывали его друзья, "написал многие острые речи о несамодержавстве в Польше и Швеции и другие излишества" - помянул о "супружестве" своего предка с дочерью Дмитрия Донского, а Ивана Грозного называл "тираном"⁵⁹. На следствии императрица сразу велела спросить своего бывшего министра о памятных ей

стр. 68

событиях 1730 г.: "Не сведом ли он от премены владенья, перва или после смерти государя Петра Второва, когда хотели самодержавство совсем отставить?" Для подозрений были основания: в бумагах Волынского нашлись копии "кондиций" и некоторых появившихся тогда проектов.

Однако сравнение этих документов с предложениями опального министра показывает существенную разницу между "оппозиционерами" 1740-го и "конституционалистами" 1730 года. Волынский предлагал:

- сократить армию до 60 полков с соответствующей экономией жалования на 1800 тыс. руб.;
устроить военные поселения-"слободы" на границах;

- расширить состав Сената и повысить его роль за счет перегруженного делами Кабинета; при этом упразднить пост генерал-прокурора;
- назначать на все должности, в том числе и канцелярские, только дворян, а на местах ввести несменяемых воевод;
- для дворян ввести винную монополию, для горожан - восстановить в городах магистраты, для духовенства - устроить академии, куда тоже желательно привлекать дворян;
- сбалансировать доходы и расходы бюджета; сочинить "окладную книгу" (статей доходов государства. - *И. К.*), бедные монастыри обратить в "сиротопитательные дома", принять меры для "размножения фабрик и заводов"; навести порядок в "таможенных и других сборах" путем борьбы с намеренным занижением декларируемых цен на ввозимые в Россию товары; запретить совместные торговые компании с иноземцами - возможно, чтобы помешать господству на внутреннем рынке крупных иностранных фирм под маркой фиктивных совместных торговых обществ⁶⁰.

Судя по этим положениям, речь шла о продолжении именно петровской "генеральной линии", о повышении образовательного уровня и укреплении позиций "шляхетства" в администрации. В то же время Волынский предлагал сократить офицерские вакансии в армии, непопулярную службу в канцеляриях и еще хуже - в приходских поках; высказывал пожелание "поубоже платье носить" и повысить цены на престижные заморские товары с увеличением пошлин или изъятием европейских вин в казну с последующей продажей тому же дворянству. Допускал Волынский и дополнительную тяготу "шляхетству" - оно должно было учреждать и содержать конские заводы, "чтоб в завод было со 100 душ по кобыле и в зборе на всякой год было по лошади" - это была его давняя заветная мечта.

Церковь он также рассматривал в качестве ресурса государственной власти: забота о просвещении батюшек сочеталась с использованием монастырской "жилплощади". Восстановление бесправных петровских магистратов для купечества вполне уравнивалось бы "бессменным" воеводским руководством. При этом не вполне понятно, как Волынский мыслил сочетать несменяемость воевод с повышением авторитета назначавшего их Сената, да еще и при упразднении высшего органа надзора в лице генерал-прокурора. Эту должность министр явно считал ненужной, "понеже оной много на себя власти иметь будет и тем может сенаторам замещение чинить". Вероятно, сказывалось опасение того, что влиятельный генерал-прокурор станет опасным соперником первого лица Кабинета.

В отличие от авторов дворянских проектов 1730 г., Волынский обходил проблему организации и прав верховной власти. Министр и прежде не сочувствовал ее ограничению, а выступать с такими идеями в конце царствования Анны Ивановны и подавно не собирался, тем более что своих планов не таил и собирался представить свое сочинение "для доклада ее величеству".

Проект трудно назвать крамольным. Скорее, наоборот, он находился на столбовом пути развития внутренней политики послепетровской монархии.

предпринимались попытки "одворянить" государственный аппарат (устройство дворян-"кадетов" при Сенате) и сбалансировать бюджет, а при Елизавете Петровне была введена и дворянская винная монополия и восстановлены магистраты.

В конце 1739 - начале 1740 г. Волынский находился в зените своей карьеры. Чтобы удержаться у власти, продлить успех, ему надо было (как самому Бирону, Остерману или Миниху) уяснить себе предел своих возможностей, понять круг обязанностей, которые делали бы его необходимым, и не посягать на чужой "огород". Ничего этого удалой министр сделать не сумел, зато неумеренными амбициями насторожил всех.

Выдвигаясь на первый план, он тем самым подрывал позиции не только Остермана, но и самого Бирона. К тому же у нетерпеливого кабинет-министра не хватало умения приспособливаться к образу действий Бирона в его влиянии на Анну; он горячился, в раздражении мог сказать, что "резюлюции от нее никакой не добьешься, и ныне у нас герцог что захочет, то и делает". В самом же Кабинете Остерман постоянно представлял возражения на резолюции и проекты указов, составленные Волынским, подчеркивая их недостатки и промахи.

Очевидно, Волынский осознавал, что справиться с двумя ключевыми фигурами ему не по силам. Поэтому он показал Бирону специально переведенную на немецкий язык копию письма императрице по поводу жалобы "отрешенных" Волынским от должности за какие-то "плутовства" шталмейстера Кишкеля и унтер-шталмейстера Людвига. В свою очередь, они обвиняли его в "непорядках" на конских заводах. Министр оправдывался, что служит "без всякого порока", а в доказательство честности указал на свои "несносные долги", из-за которых мог "себя подлинно нищим назвать". Но на этом он не остановился и обличал не названных по именам, но отлично угадываемых подстрекателей (Остермана и его окружение), стремившихся "приводить государей в сомнение, чтоб никому верить не изволили и все б подозрением огорчены были".

Сам ли Бирон заподозрил министра, или на его стремление играть самостоятельную роль указал тот же Остерман (позднее на следствии он признавался, что старался "искоренить" Волынского) - не столь и важно. Главное, что Волынский опасности не замечал и был уверен в поддержке со стороны герцога; на следствии он даже показал, что Бирон рекомендовал вручить письмо Анне. Во всяком случае он допустил непоправимый промах: послание пришлось не ко двору: "Ты подаешь мне письмо с советами, как будто молодых лет государю", - проявила неудовольствие императрица.

Однако он чувствовал себя уверенно. Для этого были основания: дельный министр, бойкий придворный, краснобай, лошадиник, охотник - он на редкость удачно вписывался в окружение Анны Иоанновны, умея потакать ее вкусам. Но именно этим он и был опасен Бирону, тем более что "забегал" ко двору императорской племянницы, где сам герцог потерпел поражение в попытке стать ее свекром. Приятель Волынского, кабинет-секретарь императрицы Иван Эйхлер предостерегал министра еще летом 1739 г.: "Не очень ты к принцессе близко себя веди, можешь ты за то с другой стороны в суспицию впасть: ведь герцогов нрав ты знаешь, каково ему покажется, что мимо его другою дорогою ищешь".

Предостережения не помогли. Волынский не скрывал радости от провала сватовства сына Бирона к Анне Леопольдовне: при его удачном исходе иноземцы "чрез то владычествовали [бы] над рускими, и руские б де в покорении у них, иноземцов, были"⁶². Его не смущало, что брак мекленбургской принцессы и брауншвейгского принца трудно было назвать победой "рус-

ских". Но зато в будущем можно было рассчитывать на роль первого министра при младенце-императоре, родившемся от этого брака, и его неопытной матери, тогда как это было исключено, если бы принцесса породнилась с семейством Биронов. Брачные намерения герцога Волынский расценил как "годуновской пример".

Он все реже являлся к Бирону, жаловался, что тот "пред прежним гораздо запальчивее стал и при кабинетных докладах государыне герцог больше других на него гневался; потрафить на его нрав невозможно, временем показывает себя милостивым, а иногда и очами не смотрит". "Ныне пришло наше житье хуже собаки!", сокрушался Волынский, заявляя, что "иноземцы перед ним преимущество имеют"⁶³.

Именно он был организатором знаменитого праздника со строительством Ледяного дома и устройством в нем 6 февраля 1740 г. шутовской свадьбы с участием диковинных "скотов" и подданных из отдаленнейших углов империи. Торжество удалось на славу: "В день свадьбы все участвовавшие в церемонии собрались на дворе дома Волынского, распорядителя праздника: отсюда процессия прошла мимо императорского дворца и по главным улицам города. Поезд был очень велик, состоя из 300 человек с лишним. Новобрачные сидели в большой клетке, прикрепленной к спине слона; гости парами ехали в санях, в которые запряжены разные животные: олени, собаки, волы, козы, свиньи и т.д. Некоторые ехали верхом на верблюдах. Когда поезд объехал все назначенное пространство, людей повели в манеж герцога Курляндского. Там, по этому случаю, пол был выложен досками и расставлено несколько обеденных столов. Каждому инородцу подавали его национальное кушанье. После обеда открыли бал, на котором тоже всякий танцевал под свою музыку и свой народный танец. Потом новобрачных повезли в Ледяной дом и положили в самую холодную постель. К дверям дома приставлен караул, который должен был не выпускать молодых ранее утра"⁶⁴.

Можно посочувствовать несчастному жениху Михаилу Голицыну-"Кваснику" (внуку фаворита царевны Софьи) и посетовать на пошлость шутовских развлечений, но представление имело успех как раз потому, что отвечало вкусам и Анны, и прочей публики. 6 марта императрица подписала указ о выдаче изобретательному придворному "для нынешнего мирного торжества в награждение" 20 тыс. рублей⁶⁵. Однако сделано это было "по его прошению", и помимо денег честолюбивый министр никаких иных знаков отличия не получил, хотя у него не было ни ордена Александра Невского, ни тем более андреевской звезды. Это было последнее торжество Волынского.

Меньше чем через месяц все изменилось. Ему внезапно был запрещен проезд ко двору. Такие придворные "конъюнктуры" не отражаются обычно в казенных бумагах - можно лишь предположить, что происшедший поворот был вызван объединением противников министра - Бирона и Остермана.

Кажется, именно Остерман занялся искоренением соперника. Позднее, после ареста в 1741 г., он пытался отрицать какое-либо свое отношение к "делу" Волынского и утверждал, что сам о том "не старался", а осудила виновного "учрежденная на то особливая комиссия". Но скоро в бумагах вице-канцлера обнаружилось поданное императрице "мнение" о необходимости "отрешить от дел" и арестовать Волынского, были найдены "мнение и прожект ко внушению на имя императрицы Анны, каким бы образом сначала с Волынским поступить, его арестовать и об нем в каких персонах и в какой силе комиссию определить, где между прочими и тайный советник

Неплюев в ту комиссию включен; чем оную начать, какие его к погублению вины состоят и кого еще под арест побрать; и ему, Волынскому, вопросные пункты учинены". На прямой вопрос следователя: "Для чего ты Волынского так

стр. 71

старался искоренить?" - Остерман 15 декабря 1741 г. ответил вполне определенно: "Что он к погублению Волынского старание прилагал, в том он виноват и погрешил". Он признал и назначение к следствию своего "приятеля" Неплюева, "ибо оной Волынский против меня подымался"⁶⁶. Тогда же и изгнанный в свое время Волынским из Кабинета секретарь Андрей Яковлев показал, что Остерман пригласил его к себе и предложил подать челобитную на Волынского - что Яковлев и исполнил⁶⁷.

Подготовил свой удар и Бирон. Возможно, что последней каплей, переполнившей его терпение, стал конфликт, описанный французским послом маркизом И. де Шетарди и неизвестным русским автором "Замечаний" на записки Х. Г. Манштейна. В ответ на просьбу польского посла И. Огинского о возмещении убытков, причиненных шляхте проходившими по территории Речи Посполитой русскими войсками, герцог изъявил согласие, Волынский же подал письменное мнение о недопустимости подобных уступок, вытекавших из "личных интересов" герцога Курляндии - вассала польского короля. Объяснение произошло публично, и взбешенный Бирон заявил, что ему "не возможно служить ее величеству вместе с людьми, возводящими на него такую клевету". После этого Волынскому и был запрещен проезд ко двору⁶⁸. Этот инцидент послужил сюжетом для картины В. И. Якоби "А. П. Волынский на заседании Кабинета министров" (1875 г.): кабинет-министр разрывает бумагу с польскими претензиями; присутствующие испуганы, а за Волынским пристально наблюдают коварный Остерман и спрятавшийся за ширмой Бирон.

В поданной челобитной обер-камергер и герцог предстал верным слугой, который "с лишком дватцать лет" несет службу и "чинит доклады и представления". Волынский же, подав письмо против тех, кто "к высокой вашего императорского величества персоне доступ имеет", тем самым возвел "напрасное на безвинных людей сумнение". Как бы не понимая, о ком идет речь в этом письме, Бирон просил защитить его честь и достоинство и потребовать от Волынского, чтобы "именование персон точно изъяснено" было⁶⁹.

Бирон также обвинил кабинет-министра в том, что он осмелился 6 февраля 1740 г. "в покоях моих некоторого здешней Академии наук секретаря Третьяковского побоями обругать". Как писал в слезной челобитной сам поэт, "его превосходительство, не выслушав моей жалобы, начал меня бить сам перед всеми толь немилостиво по обеим щекам; а притом всячески браня, что правое мое ухо оглушил, а левый глаз подбил, что он изволил чинить в три или четыре приема... Сие видя и размышляя о моем напрасном бесчестии и увечье, рассудил поутру, избрав время, пасть в ноги его высокогерцогской светлости и пожаловаться на его превосходительство. С сим намерением пришел я в покои к его высокогерцогской светлости по утру и ожидал времени припасть к его ногам, но по несчастию туда пришел скоро и его превосходительство Артемей Петрович Волынский, увидев меня, спросил с бранью, зачем я здесь, я ничего не ответствовал, но он бил меня тут по щекам, вытолкал в шею и отдал в руки ездовому сержанту, повелел меня отвести в комиссию и отдать меня под караул". От В. К. Третьяковского министр всего лишь потребовал написать стихи на шутовскую свадьбу в Ледяном доме; но вызванный в неурочный час на "слоновый двор" (штаб подготовки этого "фестиваля"), он возмутился, а Волынский,

который никак не мог допустить такой помехи торжеству, лично "вразумил" стихотворца.

Сам по себе факт избиения поэта не интересовал Бирона. Для него Тредьяковский тоже был кем-то вроде шута; в другое время он сам вместе с Волынским посмеялся бы над забавным приключением. Но теперь это происшествие пришлось кстати: Волынский рукоприкладствовал по отношению к просителю, не только прибывшему в приемную "владельца герцога", но и, что самое страш-

стр. 72

ное, в "апартаментах вашего императорского величества", а это уже походило на оскорбление императрицы и требовало "государева слова и дела".

Фавориту все же оказалось нелегко получить санкцию на расправу с Волынским. Миних утверждал, что "сам был свидетелем, как императрица громко плакала, когда Бирон в раздражении угрожал покинуть ее, если она не пожертвует ему Волынским и другими", а секретарь Волынского Василий Гладков показал на следствии, что слышал от асессора Смирнова, как Бирон, стоя перед Анной Ивановной на коленях, говорил: "Либо ему быть, либо мне". Анну подталкивали и другие: давний противник Волынского обер-шталмейстер Куракин убеждал ее в том, что ее дядя Петр I "застал Волынского уже на такой скверной дороге, что накинул ему петлю на шею. Волынский с тех пор стал еще хуже; следовательно, если ваше величество не затынете петли и не повесите негодяя, то мне кажется, что в этом отношении желание и намерение великого государя не будут выполнены", - докладывал саксонский посланник Зум 9 апреля 1740 года⁷⁰.

13 апреля Волынского заключили под домашний арест, а через три дня начались допросы в специально созданной "генералитетской" комиссии; дело вели начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков и ставленник Остермана дипломат Неплюев. Поначалу обвиняемый держался уверенно и показывал на тех, кто ему "вредил". Видимо, он еще надеялся на благополучный исход и просил себе другую должность, "понеже я в прежнее свое место не гожусь". Но скоро понял, что дело обстоит серьезно. Он уже не нападал на своих противников; заявлял, что, обвиняя вельмож, "все врал"; становился на колени и кланялся комиссии, заявлял, что поступал неосмотрительно "з горячести и злобы". Он просил не "поступать с ним сурово", вновь жаловался на свою "горячесть" и признал, что "все делал он по злобе на графа Остермана, Куракина и Головина и поступал все против их, думал, что был министр, и мыслил, что он был высокоумен, а ныне видит, что от глупости своей все врал с злобы своей".

Следователи и сами понимали, что придворные дразги и опрометчивое письмо Волынского царице настоящими политическими преступлениями не являлись. Надо было обнаружить что-то более серьезное. И здесь на помощь комиссии пришли показания его дворецкого - Василия Кубанца.

Арестованный еще 12 апреля, Кубанец, на беду, оказался откровенным. Несмотря на доверительное отношение барина, у холопа много чего накопилось на душе, да и погибать ради него Василий не желал. Уже в первом показании 15 апреля (все показания он писал лично) дворецкий вспоминал прегрешения хозяина, начиная со времени губернаторства в Казани. Он вспомнил не только о крупных взятках с татар, но и о волчьей шубе, полученной Волынским от сибирского вице-губернатора Бутурлина, о куске голубой парчи от фабриканта Гончарова, о трех

штофах от симбирских купцов и 300 взятых на строительство дома министра казенных бревнах⁷¹.

Искренность намерений Кубанца следователи оценили. 17 апреля ему сообщили: императрица лично слушала его "доношение", однако осталась им недовольна, ибо в показаниях "не о всем имянно и не обстоятельно от тебя объявлено", и пожелали услышать рассказ не только о "преступлениях указам", но и о "злых намерениях" Волынского.

Перепуганный и одновременно высочайше обнадеженный доносчик принялся писать "пополнения" к своим первоначальным показаниям. С 17 апреля по 24 мая он подал 17 собственноручных "доношений". Вот тут-то он и вспомнил, что его хозяин не только "прославлял фамилию свою", но и читал предосудительную книгу голландца Юста Липсия, сравнивая при этом средневековую неаполитанскую королеву Иоанну II и античных Клеопатру и Мессалину с отечественной государыней и заявляя: "Женский пол таков весь", то есть "весьма

стр. 73

противно против вашего императорского величества" (21 апреля); желал "погубить" Остермана, "гвардию весьма к себе ласкал" и себя "причитал к царской фамилии" (4 мая); желал "себя в силу и власть привести" (7 мая) и даже "тщился сам государем быть" (22 мая). Наконец, 24 мая дворецкий заявил, что его господин одобрял не отечественную "систему" правления, а польские порядки и "хотел в государстве вашего величества республику сделать"⁷².

Показания о "республике" не согласовывались с якобы имевшимся намерением Волынского стать "государем" - но это уже не имело значения. Теперь Волынскому можно было предъявить не только служебные грехи, но и обвинения "злом умысле против персоны ее величества или измене" и "о возмущении или бунте"). 22 апреля 1740 г. императрица повелела преступника "со двора ево взять в адмиралтейскую крепость", а затем - в казармы Петропавловской крепости; следствие же было передано в Тайную канцелярию⁷³.

Друзья Волынского не признавали в своих действиях и в поступках своего "патрона" заговора; утверждали, что выполняли его поручения "боясь Волынского, яко свирепого и жестокого человека" или "из желания ему прислужиться и из опасения подвергнуться его неприязни". Однако 11 мая Соймонов первым подтвердил, что Волынский "может чрез возмущение владетелем себя сделать"⁷⁴. 16 мая Еропкин также поведал о замысле Волынского "присвоить себе верховную власть". Эти обвинения и резкие отзывы "патрона" об императрице ("государыня у нас дура, и как докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься") привели к тому, что 18 мая Анна Ивановна отдала приказ пытать "конфидентов". На пытке 19 мая и Хрущов сделал роковое признание, что Волынский желал "сделаться государем".

20 мая Волынский показал, что царя Ивана Грозного называл "тираном", что произносил слова "прямое наше житье хуже сабаки" от огорчения - ведь иноземцы перед ним, Волынским, "преимущество имеют". Сильно помогло следствию его признание, что при составлении "картины" (родословного древа. - *И. К.*) "причитался свойством к высочайшей фамилии", отчего его дети или их потомки могут когда-нибудь быть "российского престола преемниками"⁷⁵.

Желаемое доказательство стремления к "народному возмущению" было получено, и Анна дала указание пытать Волынского. На следующий день его на полчаса подняли на дыбу; после восьми ударов кнутом он повинился во взятках, "зловымышленных словах" в адрес государыни-"дуры" и

"применении" к ней текста Липсия о королеве Иоганне, в многократной "невоздержности языка" и высокомерии. Но ни в каком заговоре против императрицы не признался: "Такого злого своего намерения и умыслу, чтоб себя чрез что ни будь сделать государем, никогда он Волынский не имел и не смеет". Он понял свою ошибку и теперь пытался объяснить: о возможном будущем своих потомков на престоле показывал только от страха, "боясь розыску, и такового умысла подлинно не имел"⁷⁶.

Но было поздно - настолько, что главный обвиняемый уже следователей не интересовал. На две недели (с 22 мая по 7 июня) Волынского оставили в покое, а 7 июня вновь привели в застенки. В присутствии заплечных мастеров Ушаков и Неплюев объявили, что показаниями других "сообщников" он полностью "изобличен", и в последний раз предложили сказать правду о "злодейственных намерениях". Обвиняемый опять признался во взятках, в "противных указам поступках", в "бессовестных и злоумышленных словах"; даже в том, что хвалил "польское житие" и дерзко "причитал себя" к царскому дому - но, как и прошлый раз, говорил: "Умысла, чтоб высочайшую власть взять и самого себя сделать государем или какое возмущение учинить, не имел". Волынского вновь подняли на дыбу и дали на этот раз 18 ударов кнутом. Но обвиняемый выдержал: он спас свою честь, не при-

стр. 74

знался ни в чем, кроме того, что уже сказал, и заявил, что "в том умереть готов". На этом последний допрос закончился⁷⁷.

9 июня Анна Ивановна повелела следствие "более розысками не производить" и подготовить "изображение о винах" преступников. Для простолюдинов дела о политически "непристойных словах" обычно завершались плетью и "свобождением" на волю или к прежнему месту службы - при условии чистосердечного признания вины и обычной в подобных случаях ссылки на "безмерное пьянство". Но в случае с министром и его чиновными "конфидентами" такого не могло быть, хотя пристрастное следствие так и не управилось доказать обвинение в якобы готовившемся захвате власти - его в обвинительном заключении так и не появилось.

Императрица, похоже, колебалась: Волынский, безусловно, заслужил опалу; но допустить на десятом, "триумфальном" году царствования позорную казнь дельного министра? Наконец, она решилась. 19 июня тем же Ушакову и Неплюеву был поручен суд. "Судьи" принадлежали к тому же кругу, что и подсудимые; как правило, хорошо их знали - и поэтому сами могли быть обвиненными в содействии им. 20 июня 1740 г. они вынесли приговор: за "безбожные, злодейственные, государственные тяжкие вины Артемья Волынского, яко начинателя всего того злого дела, вырезав язык, живого посадить на кол; Андрея Хрущова, Петра Еропкина, Платона Мусина Пушкина, Федора Соймонова - четвертовав, Ивана Эйхлера - колесовав, отсечь головы, а Ивану Суде отсечь голову, и движимые и недвижимые их имения конфисковать". Многими руководил страх. Зять Волынского, сенатор Александр Нарышкин, сел после суда в экипаж и тут же потерял сознание, а "ночью бредил и кричал, что он изверг, что он приговорил невиновных, приговорил своего брата". Другой член суда над Волынским, Петр Шипов, признался: "Мы отлично знали, что они все невиновны, но что поделать? Лучше подписать, чем самому быть лосаженым на кол или четвертованным".

Волынский держался стойко: караульному офицеру он пересказал приснившийся ему накануне вещий сон - будто он увидел явившегося к нему исповедовать и прежде незнакомого священника. К осужденному несколько раз приходил священник, с которым он беседовал о жизни и даже

шутил - рассказал батюшке соблазнительный анекдот об одном исповедовавшем девушку духовнике, который ее "стал целовать и держать за груди, и та де девка, как честная, выбежала от него вон". Но и перед лицом смерти Волынский не желал прощать старой обиды покойному канцлеру Г. И. Головкину и грозил "судиться с ним" на том свете⁷⁸. 25 июня он позвал к себе Ушакова и Неплюева, вновь покаялся "в мерзких словах и в дерзостных и в непорядочных и противных своих поступках и сочинениях" и просил избавить его от позорного четвертования и не оставить в беде детей... Но царская воля осталась без изменений.

Далее последовала уже отработанная процедура конфискации и перераспределения имущества. По этому случаю, как это обычно бывало, немедленно выстроилась очередь. Барон К. Л. Менгден получил двор Волынского на Мойке, а камергер Василий Стрешнев - богатый дом казенного министра со всей обстановкой, но без обслуги, поскольку было решено отправить "всех имеющих в доме Артемия Волынского девок в дом генерала, гвардии подполковника и генерал-адъютанта фон Бирона" - брата фаворита. Выставленное на продажу имущество преступника было оценено в 27 540 рублей, но казна выручила за него в итоге 33 524 рубля. Едва ли участники этой "распродажи" вспоминали о судьбе опального министра. Но большинство "отписных" земель и душ осталось в дворцовом ведомстве.

В истории Волынский оставил свой след. Потомок знатного, но клонящегося к закату рода, из рядового стольника стал он солдатом и офицером

стр. 75

петровской армии, сумел отличиться, оказаться рядом с государем - и с тех пор навсегда остался человеком государственным. И дело было не в счастливом случае, а в вековых традициях службы человека "фамильного", но не закосневшего в привычных порядках миро- и чиновничества, открытого к ветрам преобразований Нового времени, что и уловил Петр, умевший выбирать себе помощников. Так или иначе, но молодой дворянин воспринял дух перемен и стал их проводником, заводя школы или планируя новую "восточную политику" империи.

Еще Волынский унаследовал от Петра масштаб: если строить конские заводы - то десятками и сотнями; создавать усадьбу или охотиться - так с размахом; управлять - так предложить "проект", который соперникам не под силу. Он не был бунтарем-"диссидентом" против существующего режима; не содержали ничего революционного и его проекты. Просто сам он был слишком яркой личностью на фоне "персон" аннинского царствования. В 20 - 30-е годы XVIII века с политической сцены ушли последние крупные, самостоятельные фигуры - старшие петровские выдвиженцы: А. Д. Меншиков, И. И. Бутурлин, А. В. Макаров, П. П. Шафиров, П. М. Апраксин, Р. В. Брюс, П. А. Толстой, старшие братья Голицыны, В. Л. и В. В. Долгоруковы, П. И. Ягужинский. Одни из них умерли или отошли от дел, другие были сброшены с вершины власти и ушли в политическое небытие. Они не были теоретиками - но проявили способность к решительным и дерзким действиям. К тому же практика петровских реформ заставляла учиться или хотя бы иметь ученых помощников, подобно В. Н. Татищеву. Деятельность Волынского требовала много сил и средств, но выдвигала "наверх" их автора - что неизбежно порождало зависть и опасения.

При Анне Ивановне понадобились не реформаторы, а верноподданные, придворные. Соперничавшие "партии", включавшие как русских, так и "немцев", боролись за милости с помощью своих клиентов и путем разоблачения противников. На первый план выходили не интересы преобразований, а то, чья "партия" будет в милости, организация интриг и близость к

монарху; что-либо серьезное не получалось без дворцового переворота. Планы Волынского так и были истолкованы следователями, а сам он оказался не слишком преуспевающим учеником в придворных "обхождениях", за что и заплатил жизнью.

Елизавета Петровна возвратила детям министра доброе имя и права состояния; именным указом от 8 января 1742 г. она повелела вернуть им отписанные в казну имения отца "в вечное и потомственное владение"⁷⁹. Императрица выказала доброту, но все же не могла признать, что ее царственная предшественница приговорила к смерти или ссылке в Сибирь невинных людей. Поэтому окончательная реабилитация Волынского состоялась уже при Екатерине II. Она объявила, что страдалец "был горд и дерзостен в своих поступках, однако не изменил; но напротив того - добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего отечества", и распорядилась установить на могиле казненного гранитную колонну с урной из белого мрамора.

Посмертную славу министру Анны Иоанновны принес исторический роман Ивана Ивановича Лажечникова "Ледяной дом" (роман выдержал 50 изданий только в XIX в. и с успехом переиздается поныне), герой которого предстает носителем гражданских добродетелей, павшим в борьбе с корыстным и бездушным иностранцем. Главой патриотической оппозиции "иноземному засилью" он так и остался в школьных учебниках и массовом сознании россиян.

стр. 76

Примечания

1. Книга сеунчей. 1613 - 1619. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г.). В кн.: Памятники истории Восточной Европы. Т. 1. М. -Варшава. 1995, с. 117 - 119.
2. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. 5. М. 1990, с. 130 - 131.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 10, оп. 6. N 177, л. 60об.
4. КОРСАКОВ Д. А. Артемий Петрович Волынский. - Древняя и новая Россия, 1876, N 1, с. 47 - 48; СЕРОВ Д. О. Администрация Петра I. М. 2007, с. 33. По другим данным - родился в 1691 г. (Столетие Военного министерства. Кн. 1. СПб. 1902, с. 70).
5. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 3. М. 1993, с. 451; Отечественная история. Энциклопедия. Т. 1. М. 1994, с. 447; Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 1. СПб. -М. 2003, с. 198.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2583, оп. 1, д. 29, л. 13. Благодарю Д. О. Серова, любезно указавшего мне на этот документ.
7. В январе 1709 г. в его составе находились полковник, 49 офицеров и 433 унтер-офицера и рядовых драгун (РГВИА, ф. 412, оп. 1, д. 39, л. 23).
8. СЕРОВ Д. О. Строители империи. Новосибирск. 1996, с. 54; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 2. М. 1964, с. 354; ВОДАРСКИЙ Я. Е. Ук. соч., с. 173;

АРТАМОНОВ В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709 - 1714 гг.). М. 1990, с. 95.

9. Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 2, с. 126, 557 - 558; Артемий Петрович Волынский (материалы к его биографии). - Русская старина, 1872, №6, с. 936 - 937; СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 8. М. 1993, с. 378.

10. РГАДА, Ф- 9. Отд. 2. N 17, л. 87 - 88.

11. Письма и бумаги. Т. 13. Вып. 1. М. 1992, с. 455; вып. 2, с. 257, 391.

12. Текст договора см.: БУШЕВ П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715 - 1718 гг. М. 1978, с. 274 - 277; ПСЗ-1. Т. 5, N 3097.

13. Сенатский указ о назначении Волынского состоялся 15 марта 1719 г. (Опись документов и дел, хранящихся в сенатском архиве. Отдел 1. Т. 1. СПб. 1909, с. 50).

14. БАРСОВ Н. И. К биографии А. П. Волынского. - Древняя и новая Россия, 1877, N 5, с. 91 - 93. В 1722 г. в Астрахань прибыли католический священник Феликс и капуцины - братья Казимир, Удальрик и Романус (ЗАЙЦЕВ И. В. Западное христианство на восточном рубеже Российской империи в XVIII-XIX вв. - Восточный архив, 2002, N 8 - 9, с. 92).

15. История Астраханского края: Монография. Астрахань. 2000 (<http://www.astrakhan.ru/history/read/36/>).

16. РГАДА, ф. 9. Отд. 2. N 59, л. 442.

17. СОЛОВЬЕВ СМ. Ук. соч. Кн. 9, с. 360 - 361, 363, 617.

18. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М. 1872, с. 128.

19. ГАДЖИЕВ В. Г. Сочинение И. Гербера "Описание стран и народов, между Астраханью и рекою Курой находящихся" как исторический источник по истории народов Кавказа. М. 1979, с. 234 - 235. По сведениям из "экстракта ис поданных доношений о том, коликое число было у купецких людей товаров в Шемахе и кого имяны", ущерб оценивался "на персидские деньги 472 840 рублей на 29 алтын" (МАМЕДОВА Г. Н. Русские консулы об Азербайджане (20 - 60-е гг. XVIII в.). Баку. 1989, с. 19).

20. РГАДА, ф. 9. отд. 2, N 54, л. 645 - 646об.

21. Древняя и новая Россия, 1877, N 3, с. 294.

22. РГАДА, ф. 9, оп. 1, N 15, л. 35об.

23. Там же, ф. 6, оп. 1, N 276, ч. 2, л. 80 - 87; СОЛОВЬЕВ СМ. Ук. соч. Кн. 10, с. 246 - 247.

24. РГАДА, ф. 9, отд. 2, N 63, л. 397 - 398.
25. Там же, ф. 5, оп. 1, N 17, л. 84. Черновик царского письма, 23.VIII.1723 (там же, ф. 9, отд. 1, N 30, л. 377).
26. Там же, отд. 2, N 64, л. 329 - 333.
27. Там же, ф. 5, оп. 1, N 17, л. 102, 115. Оправдания Волынского и письмо Екатерины; ф. 9, отд. 2. N 62, л. 735, 739 - 741, 765 - 767. Ведомости о снабжении крепости Святого Креста.
28. Цит. по: СЕМЕВСКИЙ М. И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Вилим Монс. СПб. 1884, с. 302. Жалование Волынскому за 1719 г. Сенат после многочисленных просьб повелел выдать только в ноябре 1720 г. в размере 750 руб. и 475 четвертей хлеба (РГАДА, ф. 248, оп. 3, N 94, л. 23об. -24).
29. СОЛОВЬЕВ СМ. Ук. соч. Кн. 9, с. 353.
30. РГАДА, ф. 248, оп. 31, N 1936, л. 66 - 66об.; ЦЮРЮМОВ А. В. Калмыцкое ханство в 1724 - 1741 гг. Элиста. 2005, с. 52 - 58.
31. Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. - Российский Архив. Вып. 10. М. 2000, с. 435, 439, 441, 445, 462, 465, 476, 482, 488, 492, 495, 498, 501, 506, 510 - 517, 521, 522, 528, 533.
32. Повседневные записки, с. 483, 504.
33. Там же, с. 542 - 544, 546 - 550, 552 - 555, 561 - 563.
34. Сб. Русского исторического общества (РИО), 1891, т. 79, с. 204, 271, 350.
35. Переписка А. П. Волынского 1730 - 1738 гг. В кн.: Памятники новой русской истории. Т. 2. СПб. 1872, отд. 2, с. 209 - 233.

стр. 77

36. ЧИСТОВИЧ И. А. Дело Салникоева. - Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР), 1868, кн. 3. Смесь, с. 71 - 102.
37. Там же, с. 34.
38. РГАДА,, ф. 6, оп. 1, N 272, ч. 2, л. 101 - 103, 106 - 107. Челобитная и расписки.
39. ЧИСТОВИЧ И. А. Ук. соч., с. 119 - 120; Описание высочайшим указам и повелениям. Т. 2, N 4050.
40. Описание высочайшим указам и повелениям. Т. 2. N 4147; Описание документов и дел,

хранящихся в Сенатском архиве. Отд. 1. Т. 2. СПб. 1910. Т. 2. N 996, 997, 999.

41. Сб. РИО. Т. 104, с. 272; Описание высочайшим указам и повелениям. Т. 2, N 4258; КРЮЧКОВ Н. Н. В фавор - через конюшни. - Родина, 2009, N 2, с. 82.

42. РГАДА, ф. 1239, оп. 3, N 34208, л. 51 - 61, 116; ф. 6, оп. 1, N 276, ч. 2, л. 136.

43. Материалы для биографии А. П. Волынского. - Старина и новизна, 1906, вып. 6, с. 245- 261; Описание высочайшим указам и повелениям. Т. 2, N 4562.

44. РГАДА, Ф- 248, оп. 17, N 1086, л. 30 - 34, 36 - 40, 48 - 78.

45. Из времен аннинских. Переписка А. П. Волынского с Бироном. - Русский архив, 1906, N 3, с. 329 - 330; РГАДА, ф. 11, оп. 1, N 331, л. 4 - 9об., 17 - 20.

46. РГАДА, ф. 11, оп. 1, N 331, л. 22 - 25об.

47. Бирон подал императрице челобитную Волынского об освобождении его от затратного строительства; о том же просил и Остермана (РГАДА, Ф- 248, оп. 17, N 1086, л. 91).

48. Сб. РИО, т. 111, с. 85 - 86; ЗЕЗЮЛИНСКИЙ Н. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 2. СПб. 1893, с. 98 - 105.

49. Сб. РИО, т. 111, с. 29, 127. ШИШКИН И. Артемий Петрович Волынский. - Отечественные записки, 1860, N 6, с. 593 - 605; КОРСАКОВ Д. А. Ук. соч., N 6, с. 104 - 107.

50. КУТЕПОВ Н. И. Царская и императорская охота на Руси. СПб. 1902, с. 45, 75 - 76; РГАДА, ф. 248, оп. 17, N 1086, л. 375.

51. РГАДА, ф. 248, оп. 17, N 1086, л. 397 - 407. Описание придворного охотничьего хозяйства, 4.IX.1740.

52. КОЧУБИНСКИЙ А. А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Одесса. 1899, с. 212 - 218, 298 - 301, 305 - 309, 336 - 341; ШУЛЬМАН Е. Б. Вопрос о Молдавии и Валахии на Немировском конгрессе. В кн.: Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев. 1984, с. 28- 32; УЛЯНИЦКИЙ В. А. Из документов Немировского конгресса. - ЧОИДР, 1894; кн. 2. Смесь, с. 1 - 22.

53. РГАДА, ф. 6, оп. 1, N 278. Подлинный патент в деле о родословной Волынского.

54. Сб. РИО, т. 130, с. XXXV-XXXVII. На заседаниях Кабинета Волынский часто отдавал приказы совместно с А. М. Черкасским.

55. Там же, т. 130, с. 105, 155, 392, 476.

56. Там же, с. 99.
57. Там же, т. 10, N 7928, 7954.
58. Там же, т. 124, с. 216, 382; т. 130, с. 106.
59. ГОТЪЕ Ю. В. Проект о поправлении государственных дел А. П. Волынского. - Дела и дни, 1922, N 3, с. 20.
60. Там же, с. 23 - 27; ПЕТРУХИНЦЕВ Н. Н. Дворцовые интриги 1730-х годов и "дело" Волынского. - Вопросы истории, 2006, N 4, с. 38 - 41.
61. О содержании в нынешнее мирное время армии и как оброчных крестьян в лучшее содержание привести. - ЧОИДР, 1897, кн. 2. Смесь, с. 29 - 52; НЕЛИПОВИЧ С. Г. Позиция Б. Х. фон Мюнниха в дискуссии 1725 г. о сокращении армии и военного бюджета России. - Военно-исторический журнал, 1990, N 8, с. 4 - 5.
62. РГАДА, ф. 6, оп. 1, N 200, л. 11об. -12.
63. Цит. по: СОЛОВЬЕВ СМ. Ук. соч. Кн. 10, с. 655.
64. Перевороты и войны. Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М. 1997, с. 158.
65. Сб. РИО, т. 138, с. 177.
66. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч. Кн. 11, с. 132.
67. РГАДА, ф. 6, оп. 1, N 304, л. 192 - 192об.
68. Сб. РИО, т. 86, с. 296 - 297; Перевороты и войны, с. 434.
69. РГАДА, ф. 6, оп. 1, N 196, л. 1 - 6.
70. Цит. по: ШИШКИН И. Ук. соч. - Отечественные записки, 1860, N 5, с. 118.
71. РГАДА, ф. 6, оп. 1, N 198, л. 1 - 16об.
72. Там же, л. 27об., 47 - 48об., 59об., 60, 62, 64об., 70 - 70об.
73. Там же, ф. 7, оп. 1, N 269, ч. 9, л. 23. Указ о переводе Волынского в Петропавловскую крепость; там же, ф. 6, оп. 1, N 210, ч. 1, л. 31. Недатированная копия указа, повелевавшего следственную комиссию по причине занятости ее членов другими делами "разрушить", а "дальнейшее над Волынским и по делам его следствие поручить Тайной канцелярии".

74. Там же, ф. 6, оп. 1, N 203, л. 20об. -21.

75. Там же, N 199, л. 210 - 215об.

76. Там же, л. 220 - 223.

77. Там же, л. 226 - 229об.

78. Там же, N 211, ч. 1, л. 193 - 194; Записка об Артемии Волынском. - ЧОИДР, 1858, кн. 2, с. 164.

79. Опись высочайшим указам и повелениям. Т. 3. СПб. 1878, N 8722.